

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ЕСЛИ НЕТ ВЫБОРА, РЕШЕНИЕ ПРИНИМАЕТСЯ ЛЕГКО

МИЗАНТРОП

The poster is split into two main visual sections. The top section is a close-up of a woman's face with wide, blue eyes and a hand covering her mouth, suggesting shock or fear. The bottom section shows a large commercial airplane flying over a landscape at sunset or sunrise, with a large tree in the foreground. The title 'МИЗАНТРОП' is written in large, bold, red letters across the bottom of the image.

Чингиз Абдуллаев

Мизантроп

«PEN-клуб»

2013

Абдуллаев Ч. А.

Мизантроп / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб», 2013

В Перми разбивается новейший пассажирский самолет российского производства. В катастрофе чудом выживает только один пассажир – двенадцатилетняя девочка. Она приходит в себя и рассказывает следователям, что незадолго до крушения в кабину пилотов пытались прорваться двое кавказцев. На место происшествия срочно вылетает правительственная комиссия во главе с заместителем министра транспорта Борисом Репетиловым. Специалистам предстоит выяснить, что именно произошло в небе над Пермью. Действительно ли кто-то пытался захватить самолет или это всего лишь фантазии напуганного ребенка?..

© Абдуллаев Ч. А., 2013

© PEN-клуб, 2013

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

Мизантроп

Самый тонкий наблюдатель и самый тонкий мыслитель всегда наиболее снисходительные судьи. И только одинокий мизантроп, терзаемый воображаемым страданием, склонен обесценивать хорошие особенности человека и преувеличивать дурные.

Генри Бокль

Люди в массе своей так жестоки, такие плуты и завистники, что мы почитаем за счастье, когда встречаем одного из них, у которого есть только слабости.

Вольтер

© Абдуллаев Ч.А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Глава первая

На часах было около шести тридцати, когда он открыл глаза. Эта привычка просыпаться рано укоренилась у него давным-давно, еще тогда, когда он был совсем молодым человеком. Утром можно спокойно обдумать планы на день, наметить расписание, привести в порядок необходимые документы. Правда, не всегда удавалось придерживаться продуманного расписания. Он постепенно привык к тому, что засыпал в полночь, а поднимался всегда после шести утра. Такой вот режим, уже вошедший в привычку, стал для него почти нормой.

Проснувшись, он поднялся с кровати, прошел в ванную, умылся и недовольно провел ладонью по щеке. Его раздражала любая щетина, появлявшаяся на лице, и он ежедневно брился по утрам, даже в нерабочие дни, когда никуда не нужно было выходить. Он намылил щеки, тщательно выскоблил их, еще раз умылся, вышел из ванной и прошагал в гостиную, где лежали несколько его телефонов.

Среди них был и мобильник с английским номером, необходимым для разговоров с дочерью. Разница в три часа с Лондоном всегда его раздражала. А после того как в Москве отметили перевод стрелок, она выросла до четырех часов, и привычное общение с дочерью по вечерам стало почти невозможным. Он шел спать в полночь, когда в Лондоне было всего лишь восемь вечера. Теперь Елизавета чаще присылала ему сообщения, которые он читал, просыпаясь утром. В Лондоне к этому времени стояла уже глубокая ночь.

Он посмотрел очередное сообщение дочери, которая просила денег, и поморщился. Она почти никогда не писала на другие темы. Только напоминала об очередном или экстраординарном переводе денег, которые отец должен был перечислять на ее счет в тамошнем банке.

Он положил телефон на столик и проверил еще два мобильника. На них ночью не поступило никаких сообщений. Это его немного успокоило. До появления домработницы, которая приходила в восемь тридцать утра, и водителя, обычно заезжавшего за ним примерно в это же время, оставалось еще около часа. Можно было сесть за компьютер, просмотреть последние новости в Интернете, прочитать поступившие сообщения.

Борис Семенович Репетилов был первым заместителем министра транспорта. Ему недавно исполнилось пятьдесят три года. Он был относительно молодым человеком и считался потенциально перспективным чиновником. Всегда коротко острижен, среднего роста, кряжистый, плотный. В молодости Борис занимался штангой, но так и не достиг в этом виде спорта больших успехов. Крупные, но правильные черты, живые, наблюдательные глаза, несколько мясистое лицо, уже чуть обвисшие щеки – таким был запоминающийся облик Репетилова.

Он сделал удачную карьеру в девяностые и занялся бизнесом в нулевые. Несколько лет назад Репетилов стал заместителем министра транспорта. Уже через два с лишним года в названии его должности появилось дополнение «первый». В самом министерстве ходили слухи о том, что при очередной реорганизации он вполне может возглавить его.

Борис прошел на кухню и приготовил себе кофе. По утрам он предпочитал пить его без молока и сахара, на завтрак позволял себе лишь нежирный творог. Два года назад Репетилов обнаружил, что уровень глюкозы в крови превышает норму. Тогда ему прописали диабетон, который нужно было принимать по утрам, и назначили достаточно строгую диету. Про лекарство он частенько забывал, а вот режим питания старался соблюдать. Борис вообще не удивился, узнав, что уровень глюкозы поднялся. Стрессы, пережитые в последнее время, конечно же, сказались и на его здоровье. Кстати, сладкое он не любил и никогда им не увлекался.

Раньше Репетилов много времени проводил на даче. По утрам ему готовила кофе старушка, которую он поселил в небольшом домике на своем участке. Она и сейчас там жила.

На даче оставался и один из его бывших телохранителей. Второй, которого звали Кириллом, работал с ним в министерстве в качестве помощника. Репетилов и без ненужных объясне-

ний понимал, что у чиновника его ранга не может быть телохранителей, которые сразу вызвали бы массу вопросов. Поэтому личный водитель Бориса теперь именовался служебным, начальник его охраны стал помощником первого заместителя министра, а один из телохранителей сидел на даче в качестве своеобразного дежурного сторожа.

Репетилов допил кофе, поднялся и направился в кабинет. Когда он жил на даче, все было гораздо проще. Но ежедневно добираться оттуда до места работы было практически невозможно. На дорогу в утренних пробках уходило не меньше полутора часов. В конце концов все это ему надоело. В будние дни он оставался в своей городской квартире, откуда можно было доехать до министерства в течение примерно двадцати минут даже при большой загруженности дорог.

В кабинете Борис прошел к столу, уселся, оглядел шкафы с книгами, подвинул к себе компьютер. Он не мог знать, что уже через минуту все его планы на предстоящие несколько дней кардинально изменятся. Надо было только включить компьютер.

Репетилов так и сделал, потом взглянул на экран. Почти сразу в новостях появилось сообщение о крушении самолета в Перми. Борис нахмурился. «Сухой Суперджет 100», новый самолет, недавно принятый в эксплуатацию, разбился при посадке. Так утверждалось в сообщении.

Он привычно потянулся за телефоном, посмотрел на часы. Еще только семь двадцать две. Слишком рано. В министерстве никого не будет. Нужно звонить в Пермь и выяснять, что у них там произошло. Тем более что именно его заставят заниматься расследованием этого вопроса. Репетилов еще не успел додумать эту мысль до конца, когда раздался телефонный звонок.

Он сразу ответил и услышал знакомый голос министра:

– Борис, здравствуй! Ты не спишь? Я знаю, что ты рано встаешь по утрам.

– Я уже проснулся, – сообщил Репетилов. – Что случилось в Перми?

– Уже знаешь? Мне только недавно позвонили из МЧС. Их люди уже там работают.

Нужно, чтобы ты туда срочно вылетел. А днем я тоже прибуду, если понадобится.

– Я все понял. Когда вылетать?

– Прямо сейчас. Самолет будет готов через час. Я уже дал указание. Сможешь быстро добраться до аэропорта? Сам знаешь, какие у нас пробки по утрам. Ты сейчас где, на даче или в городе?

– В городе, в своей квартире.

– Значит, будет легче. Поймай такси и езжай. Надо как можно быстрее быть в аэропорту.

Вылет из Внуково. Постарайся на месте разобраться, что там опять случилось.

– Разберусь, – пообещал Репетилов. – Какой компании принадлежал самолет, Вадим Алексеевич? В Интернете я пока не нашел никаких подробностей.

– Дочерняя компания «Аэрофлота» – «Аэромир», – пояснил министр. – Сам понимаешь, насколько деликатная проблема и с самолетом, и с этой компанией.

– Все ясно, Вадим Алексеевич. Я уже практически готов. Сейчас спущусь и поймаю такси или возьму свою машину. Она у меня рядом, на стоянке.

– Так будет лучше. А водителю скажи, чтобы заехал за ней в аэропорт и забрал ее оттуда, – посоветовал министр. – И не забудь, что никаких комментариев ты давать не должен. Нужно сначала разобраться с этой компанией и с самолетом, а потом уже сообщать, что именно произошло. Сам понимаешь, что это не просто авария. Произойдет катастрофа всего авиапрома, если выяснится, что самолет разбился из-за очередных неполадок в нашей системе. После всего, что уже было.

– Я понимаю, – сдержанно произнес Репетилов.

Он сразу уразумел, каким именно будет политический и финансовый эффект от этой аварии. Нужно срочно принимать меры. Министр прав, счет идет буквально на часы. Потом станет поздно.

– Держи меня в курсе, – попросил министр. – Наверное, через час мне придется докладывать президенту или премьеру. Я пока не могу получить никаких подробностей. Как только узнаю, сразу тебе перезвоню.

Министр закончил разговор. Репетилов выключил компьютер, поднялся. Нужно быстро собраться и спуститься вниз. Благо его собственный автомобиль стоит возле дома. Необходимо взять права, паспорт и самому сесть за руль. Как все это раздражает!

Раньше было легче. Он руководил собственной компанией. Все делали водители и телохранители. Не нужно было никуда торопиться, бегать сломя голову. Сейчас настали другие времена.

Борис нахмурился. Воспоминания о былом иногда раздражали его. Сколько возможностей было упущено!

Он достал небольшой чемодан, привычно сложил туда вещи, необходимые для недолгой поездки. Две свежие рубашки, запасной галстук, пару нижнего белья, носки. Репетилов еще раз оглядел чемодан и запер его. Потом он подошел к полке и осмотрел свою любимую коллекцию. Там было восемь различных часов.

Чуть поколебавшись, Борис достал «Омегу». Строго и со вкусом! Самое главное, что они недорогие. В таких часах можно появляться среди людей. В конце концов он уже давно не президент компании, а обычный чиновник, пусть даже и высокого федерального ранга.

Репетилов положил в карман паспорт и права, взял ключи от машины. Он уже собирался выходить, но вспомнил о зарядных устройствах для двух телефонов, которые собирался взять с собой, положил их в чемодан и выбежал из дома. Стоянка автомобилей примыкала прямо к стене.

В этой сталинке, стоявшей на Кутузовском проспекте, не было подземного гаража, которые уже стали привычными в новых зданиях. Но ему нравился этот солидный дом. В его квартире жил раньше кто-то из секретарей ЦК, который продал ее не самому бедному бизнесмену. Тот довольно быстро сбыл жилье некоему криминальному авторитету. Этот пахан, в свою очередь, почти сразу велел маклеру выставить недвижимость на продажу, так как должен был срочно покинуть Москву. В результате несколько лет назад обладателем престижных апартаментов стал Борис Репетилов.

Раньше у него была квартира в другом месте, на Патриарших прудах. Он оставил ее своей второй супруге. Первый заместитель министра нахмурился. Как же давно это было!

Он подошел к своей машине. Это был «Лексус ЛС 460», который стоил четыре с лишним миллиона рублей и обычно отдыхал на стоянке. Без водителя Репетилов чаще всего ездил именно на нем. Он сел за руль, осторожно выкатился со стоянки и, набирая скорость, помчался в сторону Внуково.

Борис уже выехал на проспект, когда снова позвонил телефон. Репетилов не любил разговаривать, управляя автомобилем, и с немалым раздражением взглянул на дисплей. Номер был незнакомым. Но какой посторонний человек будет звонить так рано утром? Очевидно, опять что-то неприятное, связанное с этой катастрофой.

– Слушаю вас, – сказал Репетилов.

– Извините, что беспокою, Борис Семенович, – услышал он торопливый голос, который сразу узнал.

Это был помощник министра Костя Крючков, относительно молодой, всего-то лет тридцати, но уже успевший полысеть и поэтому выглядевший гораздо старше своего реального возраста. Самому министру было сорок восемь, и он гордился копной своих еще черных волос. Правда, недоброжелатели перешептывались насчет того, что Вадим Алексеевич, дескать, подкрашивал волосы, но никто не мог быть уверен и в обратном.

– Что случилось?

– Есть известие из Перми, – передал Крючков. – Шестьдесят шесть погибших пассажиров плюс шесть членов экипажа. Вадим Алексеевич просил передать вам, чтобы вы были в курсе.

– Все погибли?

– Похоже, что так. Сейчас уточняем у МЧС. Там уже работают их специалисты.

– Уточняйте, – мрачно согласился Репетилов. – Террористический акт исключен?

– Пока не знаем. Сотрудники ФСБ уже все проверяют. Они говорят, что на террористический акт не похоже.

– Это был бы лучший вариант для всех, – пробормотал Репетилов.

– Что?.. – спросил Крючков, хотя наверняка услышал эту фразу.

– Ничего. Кто еще полетит со мной в Пермь?

– Астахов и Сафиуллина, – сообщил Крючков. – Они уже едут в аэропорт. Мы предупредили их, чтобы не опаздывали. Оба взяли такси.

Михаил Петрович Астахов прежде был летчиком и считался одним из лучших специалистов в подобных делах. Лина Борисовна Сафиуллина занимала должность ведущего эксперта Межгосударственного авиационного комитета, который проводил расследование во всех подобных случаях.

– Больше никто? Нужно было вызвать представителя завода-изготовителя, – разозлился Репетилов.

– Им уже передали, – чуть виновато пробормотал Крючков. – Они вышлют своих специалистов прямо сегодня. Просто мы не успели всех поднять. Сейчас еще мало кто на работе.

– Это я понимаю. Будут новости – сообщай. – Он отключился и прибавил скорость.

Только этого не хватало. Такая авария сейчас – это же настоящее катастрофа. Во всех смыслах слова. И человеческая, и техногенная, и политическая. Людей жалко. Теперь производители самолета будут в который раз доказывать, что у них все в порядке.

Конечно же, руководству страны придется делать политические выводы. Новый самолет – гордость всей отрасли. В него вложено немало сил и денег. С ним связывали восстановление российской авиационной промышленности, а он уже в который раз подводит! Могут быть приняты жесткие меры, и не исключено, что административного характера. Министр транспорта должен понимать, что в первую очередь в случившемся обвинят его. Ведь именно он дал согласие на полеты этих самолетов еще три месяца назад, когда снова появились серьезные возражения на этот счет. Да и Репетилов тоже запросто может потерять свое место.

Борис нахмурился. Еще несколько лет назад ему казалось, что он навсегда распрощался с государственной работой и уже никогда больше не впряжется в эту чиновничью лямку. Но кризис восьмого года изменил все. В том числе и его собственную жизнь.

Минут через десять первый заместитель министра все-таки попал в небольшую пробку, взглянул на часы и достал мобильный телефон. Он подумал, что Евгения наверняка еще спит, но позже позвонить уже просто не удастся. Поэтому Борис набрал номер и терпеливо ждал ответа.

Наконец раздался сонный голос:

– Слушаю. Что случилось?

– Доброе утро, Женя! – поздоровался он.

– Ты знаешь, который сейчас час? – недовольно спросила она.

– Знаю. Поэтому и позвонил. Извини, что беспокою, но сегодня встретиться не получится.

– Почему? – Кажется, Евгения окончательно проснулась.

– Не смогу. Много работы. – Ему не хотелось рассказывать ей о случившейся аварии.

В конце концов уже через несколько часов об этом передадут по всем каналам телевидения, и она все узнает сама.

– Борис, что происходит? Мы не виделись с тобой уже четыре дня. Мне казалось, что мы твердо договорились встретиться именно сегодня.

– У меня важные дела...

– Настолько важные, что ты не можешь или не хочешь со мной встречаться?

– Не все зависит от моего желания, – сдержанно объяснил он. – Не забывай, что теперь я государственный чиновник. У меня есть обязанности, которые я должен выполнять.

– В эти обязанности входит нежелание встречаться со мной? – Борису было понятно, что Евгения начинала заводиться.

– Я тебе объяснил, – терпеливо повторил он. – Очень важное дело. Я должен срочно улететь в Пермь, именно поэтому не смогу с тобой встретиться.

– И когда ты улетаешь?

– Прямо сейчас. Сажу за рулем, еду в аэропорт.

Кажется, она начала что-то понимать.

– Вчера ты не знал о том, что сегодня улетишь в Пермь? – спросила Евгения.

– Нет, не знал. Мне только утром позвонили и сказали, что я должен срочно вылетать. Это связано с аварией, которая там произошла.

– Понятно. Тогда счастливо. Вернешься, позвони.

– Обязательно. – Он убрал телефон в карман.

Она все-таки обиделась. В общем, ее можно понять. Они действительно не виделись уже четыре дня, договорились сегодня вечером вместе поужинать, а потом поехать на дачу. Получалось, что он сознательно избегал ее. Репетиллов нахмурился. Нужно будет потом перезвонить Евгении и все объяснить.

В аэропорт он прибыл примерно через сорок пять минут. Утренние пробки были еще не такими непроходимыми. Потом ему пришлось ждать около получаса, пока прибыли Сафиуллина и Астахов.

Лина Борисовна была небольшого роста, с типичным азиатским лицом, не столь уж и характерным для татар. Астахов – высокий, плотный, седоволосый. Ему стукнуло уже под шестьдесят.

Оба уже знали о трагедии, поэтому ненужных расспросов не было. Все трое прошли в самолет. Репетиллов недовольно оглядел «Ту-134», который использовали в их министерстве для подобных экстренных полетов.

«Надо же, какое старье подсунули! – зло подумал он. – Не хватает, чтобы и этот самолет грохнулся где-нибудь на подлете. Или они не знают, что все до единого подобные раритеты нужно было давно списать в утиль. Им по тридцать-сорок лет. – Он уселся в кресло, привычно пристегнулся и вспомнил: – В Перми шестьдесят шесть погибших пассажиров и еще шесть членов экипажа. Вот и не верь после этого в магию цифр! Три шестерки подряд. Кажется, так обозначается число зверя в Библии. Только какой это зверь? Несчастные люди. Сесть в самолет, чтобы погибнуть!..»

Интересно, сколько там было детей? В таких полетах они всегда есть. Нужно будет предупредить, чтобы распечатали список пассажиров с указанием их возраста. Конечно, в аэропорт необходимо вызвать психологов».

При воспоминании об этом он поморщился словно от зубной боли. У него уже был печальный опыт такого рода. Однажды обезумевшие от горя родственники погибших пассажиров едва не линчевали двух психологов. Настолько несостоятельными и поверхностными показались им слова утешения. Нужно будет лично проверить, кого пришлют на этот раз. На месте происшествия должны работать квалифицированные специалисты.

Самолет набирал высоту.

Репетиллов оглянулся на Астахова и уточнил:

– Какой там аэропорт? Вы на него сажались?

– Конечно. Много раз. Аэропорт нормальный. Большое Савино. Примерно восемнадцать километров от города. Хотя там всего одна взлетная полоса. Ее эксплуатируют вместе с военными.

– Все как всегда, – вспомнив о своем, пробормотал Борис Семенович.

Астахов его не понял.

– Как обычно, – согласился он. – Там недавно разбился «МиГ», погибли оба летчика, но аэродром здесь ни при чем.

– Кто был капитаном «Суперджета»? – спросил Репетилов.

– Пока не знаем, – ответил Астахов. – Я уже два раза запрашивал. Но «Аэромир» – это ведь дочерняя компания «Аэрофлота», там кого попало за штурвал не посадят. Должны быть опытные специалисты.

– Поэтому они разбились? – нахмурился Репетилов.

– Я пока не знаю, что там произошло, – заявил Астахов. – Поэтому и не могу давать какие-либо комментарии. Может, опять были проблемы с шасси при посадке?.. Это характерный сбой у самолетов «Сухой Суперджет».

– Если у них такой характерный сбой, то нужно было выходить с конкретными рекомендациями и закрывать программу выпуска этих машин, – зло сказал Репетилов. – Раз и навсегда! Почему вы молчали?

– Лайнеры-то как раз неплохие, – возразил Астахов. – Я сам входил в приемочную комиссию и сидел рядом с пилотами во время испытательных полетов. Нужно сначала все проверить, а потом уже делать выводы.

– Выводы сделают и без нас, – отмахнулся Репетилов. – А вот тщательная проверка входит в наши обязанности.

– Это я знаю. – Астахов угрюмо кивнул.

– Что вы думаете, Лина Борисовна? – Репетилов повернулся к Сафиуллиной.

– Пока ничего. Знаю только, что случилась авария. Нужно будет все проверить на месте. – Сафиуллина вздохнула. – Никак не могу привыкнуть к подобным случаям. Это всегда ужасно.

– Какая это авария на вашей памяти? – поинтересовался Репетилов.

– Девятнадцатая, – признала Сафиуллина. – Это сейчас такие катастрофы стали редкостью, а в конце девяностых самолеты падали с регулярностью раз в два-три месяца. Именно тогда был исчерпан парк старых машин.

– Это я помню, – мрачно согласился Репетилов.

Он решил, что не станет рассказывать ей о том, как две подобные катастрофы изменили его жизнь, будет молчать, чтобы не вспоминать. Все равно эти переживания уже ничего не изменят. Погибших людей все равно не вернуть с того света. Первый заместитель министра не сказал ни слова до тех пор, пока они не приземлились в аэропорту Перми.

Интерлюдия

Мы давно знаем друг друга. Меня зовут Алишер. Я часто выполняю разные поручения Наджибулло. Мы с ним ходили в школу в Душанбе, которую окончили в восемьдесят седьмом году. Самая обычная школа, где преподавание велось на русском языке. В прежнем Таджикистане их было достаточно много.

Ни он, ни я не поступили в институты, но вовсе не потому, что учились плохо. Наджибулло окончил школу с несколькими тройками, но, в общем, получил вполне приличный аттестат. У меня вообще были только хорошие и отличные оценки.

Но у нас не имелось влиятельных родственников, которые могли бы помочь нам с поступлением в институты. Сын нашего прокурора был абсолютным дебилом. Меня так нахально

заваливали, чтобы протолкнуть его, что один из преподавателей не выдержал и вышел из аудитории.

Я подавал на юридический, а Наджибулло хотел стать товароведом. Мы провалились на вступительных экзаменах и получили повестки в армию. Меня отправили на Дальний Восток, где я служил пограничником и даже получил звание кандидата в мастера спорта по стрельбе, стал настоящим снайпером. Наджибулло призвали во внутренние войска охранять колонии. Словно кто-то там, наверху, не в военкомате, нет, а где-то гораздо выше, решил, чем именно нам заниматься в будущем.

Интересно, что во время службы на Дальнем Востоке я усовершенствовал свой русский язык и стал говорить вообще без акцента. А Наджибулло, служивший во внутренних войсках, охранявших места заключения, обходился междометиями и короткими словосочетаниями. Конечно, вернувшись домой, он не очень практиковался и говорил по-русски с сильным таджикским акцентом.

Наджибулло пришел из армии в семьдесят девятом и почти сразу попал в тюрьму за драку, которую устроил с парнем своей невесты. Она не дождалась жениха, сошлась с другим. Представляю, как это обидно было Наджибулло! Он тогда просто избил до полусмерти своего обидчика, получил три года тюрьмы, но отсидел только половину срока.

Мой одноклассник вернулся в Душанбе через полтора года, как раз в тот момент, когда у нас началась гражданская война. Наджибулло быстро сколотил свой отряд, который выступал на стороне будущего президента Эмомали Рахмона. Времена были тяжелые. Первый секретарь ЦК партии Набиев умер, а следующего главу государства просто повесили на памятнике Ленина в Душанбе. Ожесточение было страшным, погибло очень много людей.

Я тоже сражался в отряде Наджибулло. После окончания войны ему даже предложили должность какого-то чиновника, но мой друг отказался. Он хотел быть вольной птицей и стал таковой, постепенно подмял под себя многих криминальных лидеров. Его боялись даже прокуроры и начальники отделов милиции, которым платили дань все, но только не Наджибулло. Он был как бы особым исключением из правил.

Правой рукой своего бывшего одноклассника стал я, Алишер. Да, самой важной и страшной правой рукой, о которой люди боялись даже вспоминать. Если хотите, я исполнял при нем роль главного визира и палача.

У Наджибулло был и еще один советник, Вагаб Рузанов. Но он появился немного позже, уже после того, как мы стали самыми главными поставщиками белого зелья в страны СНГ.

Некоторые участки границы оказались под нашим контролем. С руководителями застав мы умели договариваться. Афганистан постепенно превращался в основной источник сбыта наркотиков во всем мире. Особенно после того, как там свергли талибов.

Нет, я не очень любил этих бородатых ревнителей ислама, но могу честно признать, что при них такие караваны наркотиков никогда не появлялись на наших границах. А вот когда туда вошли американцы и их союзники, поток увеличился многократно.

Конечно, нам приходилось договариваться с каждым начальником заставы. Пограничников можно было понять. Они пропускали наши грузы через свою территорию. Каждая такая операция приносила им столько денег, сколько эти офицеры получили бы примерно за тысячу лет своей беспорочной службы. Или за пятьсот. Согласитесь, что такие доходы делали сговорчивыми любого пограничника.

Мы занимались этим уже много лет. Конечно, бывали накладки, случались неприятные разборки. Особенно с кавказцами в Москве. Не понимаю, почему они решили, что столица России – это их город, но в конце девяностых наших курьеров начали арестовывать, грузы забирали, а посредников и распространителей просто убивали.

Нам это надоело, и мы послали туда целый отряд наших лучших ребят. Нужно сказать, что в начавшейся войне погибло много людей, но в конце концов мы договорились. Кавказцы

тоже умные люди. Они справедливо рассудили, что будет лучше, если мы начнем сбывать свой товар их представителям, которые затем сами станут продавать его мелкооптовым поставщикам. Так мы наладили мир и начали плодотворно работать со всеми. А потом наша деятельность охватила и самые разные регионы России. Ведь личностей, желающих отхватить большие деньги, можно было найти в любой части страны, уже не прежней, но все-таки самой большой в мире.

Вам, конечно, интересно, почему мы не пошли в чиновники, отказались от приличных должностей. Ведь победили «наши», и Наджибулло даже предложили пост заместителя министра. Но тут нужно было выбирать: стать вороватым, коррумпированным чиновником, которого все покупают и продают, либо свободным бандитом. Вариантов совсем немного. Остаться просто честным человеком в нищей стране после гражданской войны, извините, никак невозможно.

И мы сделали свой выбор. Все-таки это унижительно, когда любой человек может дать большие деньги и приобрести вашу подпись, согласие, работу, совесть. В этом есть нечто от проститутки, которую покупает незнакомый клиент, приходящий в публичный дом.

Сами чиновники считают себя очень важными и нужными людьми, не думают о том, что продаются за деньги любому встречному. Словно на панели, где их выбирают клиенты. Скажите любому вороватому чиновнику, что он хуже девки, которая вынуждена торговать своим телом, и вы увидите его гневную реакцию. Каждый считает себя просто удачливым бизнесменом.

Нам не хотелось играть в эти игры, и мы выбрали для себя другой путь. Тоже не самый праведный, но тот, на котором нас хотя бы никто не покупал.

Конечно, сначала было очень сложно. Особенно в середине девяностых, когда повсюду царил полный беспредел. С другой стороны, работать было достаточно легко, потому что внутри СНГ границ не существовало. Любые грузы можно было беспрепятственно транспортировать по какому угодно маршруту. Меня назначили своеобразным проверяющим, контролирующим ход наших дел в соседних странах, особенно в России.

Обычно я вылетал куда-либо только в самых крайних случаях. Все знали, что Алишер выходит на сцену лишь тогда, когда все до единого методы увещевания оказываются безуспешными.

Этим я занимаюсь и сейчас. Моими подопечными иногда бывают обычные курьеры или распространители, которые не выдерживают испытания верностью. Ведь так легко запустить руку в пакет и отсыпать себе немного белого порошка, который поручено кому-то передать или куда-то отвезти. Запросто можно сообщить, что у тебя отобрали порошок сотрудники милиции или же ты его просто потерял. Каждый считает себя самым умным и хитрым, не понимая, что подобное уже много раз случалось в этом подлунном мире.

На каждого хитрого дурачка есть такие страшные люди, как Наджибулло и его помощник Алишер. Он бережет меня и никогда не посылает на рискованные дела, связанные с отстрелом наших врагов. Для этого у нас существует целый отряд «снайперов», которые очень неплохо работают в нужных случаях. Такого испытанного друга, как я, которого он знает много лет, Наджибулло не найдет. Поэтому он старается меня беречь. Но, когда нет иного выхода, приходится подключаться именно мне.

Нас трудно провести. Мы все проверяем лично. Горе тому, кто попытается нас кинуть. Наджибулло никогда и никому не прощает предательства. Его трудно убедить в том, что предателями бывают слабаки и трусы. Он беспощадно выносит свои приговоры, а я, его штатный палач, привожу их в исполнение.

Наши курьеры и распространители – обычные люди, которые сами сидят на этом проклятом порошке. Они воруют его не ради личной наживы, а из-за своей болезни, которую никаким другим способом вылечить невозможно. Это проверка для любого курьера. Если упаковка

повреждена, то никто и ничего уточнять не будет. Значит, ты виноват и заслужил наказание. Тогда посылают меня.

Если распространитель уверяет, что порошок у него отобрал участковый или сотрудник уголовного розыска, то мы выходим на начальника милиции и все узнаем. Такие проверки мы устраиваем систематически. Потом распространителя находят в какой-нибудь канаве уже без признаков жизни. Показательно, что убийц в таких случаях не ищут. Достаточно взглянуть на исколотые вены наркомана, чтобы понять, насколько он был болен. В последний раз бедняга просто переборщил, ввел себе слишком большую дозу. Вот его сердце и не выдержало.

В нашем деле бывает всякое. Однажды банда Султана попыталась выбить нас из Ферганы. Мне пришлось поехать в Ташкент с двумя своими помощниками. О нашем визите до сих пор рассказывают легенды. Не только Султан, но и четверо самых активных членов его банды были найдены убитыми. В Узбекистане вообще беспощадно боролись с мафией. Как и во всех мусульманских республиках.

Нет, не потому, что там так непримиримо относились к криминальному миру. Просто местные прокуроры, сотрудники службы безопасности, судьи, начальники любых полиций и милиций, какие угодно мэры не терпели в своих районах конкуренции. Эти люди вполне справедливо считали, что только они имеют право собирать дань с населения, устанавливать собственную систему поборов и вымогательств, рэкетировать население вверенных им районов. Поэтому никто и не думал искать подлинных убийц Султана и его помощников.

История, которую я теперь хочу рассказать, началась ранним утром, когда мне позвонил Наджибулло. Я был в Москве у Анастасии, с которой познакомился еще полтора года назад. Она работала в банке, куда я несколько раз заходил.

Сначала я обратил на нее внимание, потом она на меня, мы начали перекидываться шутками, здоровались при встрече, справлялись друг о друге. Через некоторое время я пригласил ее на ужин. Затем мы сошлись совсем близко. Я даже купил ей трехкомнатную квартиру в новом доме, чтобы мы могли встречаться.

И вот утром раздался этот неожиданный телефонный звонок. Как только он прозвучал, я сразу открыл глаза, уже тогда понял, что неприятности только начинаются, и не ошибся.

– Ты еще в Москве? – услышал я глухой голос Наджибулло.

– Конечно. А где я должен быть?

– У своей знакомой? – уточнил он.

– Ты все знаешь. Зачем спрашиваешь? Что случилось? – Мы, конечно, говорили на фарси, нам так удобнее.

– Наш друг погиб в Перми, – сообщил мне невероятную новость Наджибулло.

– Как это погиб? – Я действительно не совсем понимал, что именно произошло.

– Его самолет разбился. – Даже по телефону я понимал, как он сдерживается.

Я тоже готов был разразиться проклятиями. Ведь в чемодане, который наш друг сдал в багаж, было четыре килограмма героина. Как такое могло случиться?

– Когда ты узнал? – спросил я Наджибулло.

– Десять минут назад. Появилось сообщение в Интернете. Мне Вагаб позвонил.

– Может, нужно сначала проверить?

– Уже проверил. Позвонил в Пермь, там подтвердили. Самолет разбился, все погибли.

– А где наш груз?

– Это я у тебя должен спрашивать, – зло проговорил Наджибулло. – Поэтому бросай свою женщину и срочно вылетай туда. Узнай на месте, где наш чемодан.

– Но если самолет разбился...

– Узнай, где наш багаж! – заорал Наджибулло. – Даже если все сгорело. Выясни, что там можно спасти.

– Я все понял. Не кричи. Вылетаю прямо сейчас.

Уже через двадцать минут я ехал в аэропорт. Конечно, авария никак не входила в наши планы. Там было много несчастных. Среди погибших оказался тот самый человек, который должен был передать свой груз нужным людям либо умереть. И он умер.

Однако Наджибулло знал, что в этих случаях тоже нужно все проверять. Он, разумеется, был прав, когда приказал мне вылететь в Пермь и проверить на месте, что именно там произошло, выяснить все детали и принять необходимые меры.

«Принять меры» означает найти человека, который должен объяснить смерть курьера и ответить за потерю части нашего груза. Теперь мне нужно было срочно лететь в Пермь, на месте разобраться, что именно произошло, и наказать того, кто должен за это ответить, если груз куда-нибудь исчезнет.

Глава вторая

В Перми их ждали. Среди встречавших был и вице-губернатор, пожилой человек лет шестидесяти пяти. Он мрачно поздоровался с Репетиловым и сопровождавшими его людьми, потом пригласил первого заместителя министра в свой автомобиль. Остальные разместились в других машинах.

Вице-губернатора звали Маратом Шарифовичем Ильясовым. Он был татарин с характерным разрезом азиатских глаз, широким одутловатым лицом.

– Мы подъедем в другой конец аэропорта, – объявил вице-губернатор. – Отсюда минуты три-четыре до места происшествия.

Репетилов согласно кивнул и спросил:

– Есть предварительные результаты?

– Есть, – угрюмо ответил Ильясов. – Специалисты из ФСБ категорически утверждают, что это не террористический акт. Диспетчер сообщил, что командир судна несколько раз докладывал о том, что у них возникли проблемы...

– Какие? – перебил его Репетилов.

– У них были трудности с выпуском шасси, – вспомнил вице-губернатор.

– Опять! – Репетилов поморщился, но никак не прокомментировал слова своего собеседника.

– Один человек выжил, – вдруг сообщил Ильясов.

– Что? – изумился гость. – Как это выжил? Мне сообщили, что все погибли. Семьдесят два человека.

– Верно. Но в самолете их было семьдесят три, – пояснил вице-губернатор. – Уцелела девочка двенадцати лет. Мы не думали, что она выживет, когда нашли ее среди обломков. Бедняга была в тяжелом состоянии, но врачи недавно сообщили, что положение стабилизировалось. Можно надеяться на лучшее.

– Как ее зовут?

– Фариза, – вспомнил Ильясов. – Да, Фариза Касумова. Кажется, она летела из Баку вместе со своей матерью.

– Мать погибла?

– Похоже на то.

– Двенадцать лет. Уже достаточно взрослая девочка, – сказал Репетилов. – Если она сможет рассказать, как все произошло, то это будет неплохо. Что-нибудь еще?

– Сейчас спасатели разбирают обгоревшие фрагменты самолета. Многих погибших сложно опознать.

– Так обычно и бывает при подобных авариях, – проговорил Борис Семенович.

– Там работают сотрудники МЧС, – добавил Ильясов.

– Самолет разбился при ударе о землю или начал распадаться еще на подлете?

– Экипаж запрашивал срочную посадку за полчаса до приземления.

– Тогда при чем тут шасси? – не понял Репетилов. – Пилоты же не могли знать за полчаса до посадки, что у них будут проблемы с шасси. Это нелогично.

– Да, – согласился Ильясов. – Нелогично. Но столько погибших!.. Нам сообщили, что днем прилетит государственная комиссия в составе вице-премьера и вашего министра.

– Что и следовало ожидать, – недовольно заметил Борис Семенович. – По телевизору уже передали?

– Да, примерно полчаса назад. Было объявлено и о создании правительственной комиссии.

– Под руководством вице-премьера?

– Да, – кивнул Ильясов.

Чиновники понимали, что это означает. Если руководителем комиссии назначают не министра транспорта, а вице-премьера, то это и тревожный звонок для всего министерства, и знак недоверия его руководителю лично.

Тут раздался телефонный звонок. Репетиллов покосился на дисплей. Это был номер министра.

– Слушаю вас, Вадим Алексеевич, – сказал он.

– Мы вылетаем с вице-премьером, – сдержанно сообщил министр. – Через два часа. Думаю, что у вас уже будут какие-нибудь наработки к тому времени. Пока мы прилетим, у тебя должно быть сформулировано конкретное мнение о том, почему произошла авария. Конечно, предварительное. Но первые выводы вы должны сделать. Ты меня понимаешь, Борис?

– Мы только приземлились и едем в аэропорт, – сообщил Репетиллов. – Но есть хорошая новость. Одного человека удалось спасти. Это девочка.

– Грудной ребенок? – быстро спросил министр. – Сколько ей лет?

Маленькие дети иногда выживали в самых страшных авиационных или автомобильных авариях.

– Не грудной. Ей двенадцать, – вспомнил Борис Семенович. – Она сейчас в больнице.

– Самописцы нашли?

Речь шла о так называемых черных ящиках, которые искали в первую очередь. На самом деле они всегда окрашивались в ярко-оранжевый цвет, чтобы их легче было заметить.

Борис Семенович покосился на вице-губернатора, сидевшего рядом, и шепотом спросил:

– Нашли черные ящики?

– Пока только один, – тоже шепотом ответил Ильясов.

– Нашли один ящик, – сообщил Репетиллов министру.

– Очень хорошо. Проследи, чтобы обязательно разыскали второй. Обрати внимание на записи диспетчеров. У них всегда бывают какие-то непонятные накладки. Они ведут ненужные разговоры, шутят не к месту, делают пустые замечания. Не надо, чтобы все глупости попали в отчеты. Все лично просмотри.

– Обязательно. К вашему приезду мы будем готовы изложить наши версии.

– Только чтобы их было не очень много. Помни: от тебя зависит, какая версия будет основной. Посмотри, что там можно предложить. Сам понимаешь, в каком мы сейчас положении. С нами полетит генеральный директор компании «Сухой». Он не сможет принять версию о новых технических проблемах своего самолета, привезет сразу несколько основных специалистов. Они будут собирать «Суперджет» заново, по винтику, как это обычно бывает в подобных случаях.

– Я вас понимаю, Вадим Алексеевич.

– В конце концов это политическое решение, – сказал министр и огорченно добавил: – В общем, ничего хорошего.

Репетиллов не успел убрать телефон в карман, как раздался еще один звонок. Он недовольно взглянул на дисплей. Если бы это был кто-то другой, то он никогда бы не ответил. Тем более что они уже доехали до места катастрофы.

Повсюду работали пожарные автомобили, стояли машины «Скорой помощи». На летном поле были разбросаны горящие останки самолета, который разбился буквально на границе посадочной полосы, не дотянул до нее считанные метры.

Репетиллов поморщился. Было понятно, что сгоревшие тела еще не успели вывезти. Здесь работали специалисты из различных ведомств, в том числе ФСБ, МЧС и, конечно, представители авиационной компании.

Борис Семенович увидел номер телефона Евгении и решил, что может ответить.

– Я тебя слушаю, – негромко произнес он, увидев, как Ильясов выходит из автомобиля.

– Борис, ты сказал, что летишь в Пермь? – услышал он приглушенный голос и сдержанно сообщил:

– Я уже прилетел.

– Да, я понимаю. Только сейчас узнала. Такой кошмар! Столько погибших. Я сразу вспомнила, что ты сказал об аварии в Перми. Ты полетел туда из-за этого?

– Да. Меня послали сюда срочно, до приезда государственной комиссии. Прости, я не могу сейчас разговаривать.

– Понимаю. Я только хотела извиниться. Ты не обращай на меня внимания. Я иногда бываю такой злокой!.. Ты позвонил утром и меня разбудил, а я ничего не поняла и сразу начала беситься. Так глупо!

– Ничего, – ответил он, видя, как все остальные с нетерпением смотрят в его сторону. – Вернусь, и мы поговорим. До свидания. – Борис быстро убрал телефон в карман, вылез из машины и поморщился.

Запах сгоревших тел, пластика и алюминия, кажется, ввелся в его сознание и память на всю жизнь.

Первый заместитель министра обратился к собравшимся:

– Давайте начнем работу. Поглядим, что у нас тут есть. Сначала все сами осмотрим. Учтите, что версии будем выдвигать, когда соберемся в аэропорту, сразу после осмотра. – Он первым двинулся к обломкам самолета.

Астахов подошел к нему и угрюмо произнес:

– Здесь все понятно. Самолет не дотянул до взлетной полосы. Приземление было жестким. «Суперджет» задел верхушки деревьев, развалился на части и загорелся. Видимо, люди, находившиеся в хвосте, погибли не сразу. Если бы здесь оперативно оказались пожарные, то некоторых пассажиров можно было бы спасти.

– Скажите об этом начальнику аэропорта, – мрачно посоветовал Репетиллов, оглянувшись. – И давайте пока без выводов. Посмотрим, что здесь случилось, а потом соберемся и будем излагать основные версии.

Дальше была обычная тяжелая работа на месте аварии. Тела пассажиров, сидевших в передней части самолета, так обгорели, что их сложно было идентифицировать. При жесткой посадке «Суперджет» практически переломился пополам. Тела, находившиеся сзади, были обожжены гораздо меньше. Это оказалось еще страшнее. Их уже можно было опознать, и от этого они выглядели совсем жутко. Одной женщине стало плохо. Она не выдержала, отошла в сторону, ее стошнило.

Репетиллов мрачно осматривал все это, когда к ним подошел офицер пожарной службы и доложил, обращаясь к вице-губернатору:

– Нашли еще двоих пассажиров. Они сидели в конце салона. Внешне тела не повреждены и не обгорели. Люди задохнулись от дыма.

Ильясов нахмурился, резко обернулся, подозвал начальника аэропорта и заявил:

– О том, что у самолета проблемы, вы знали за полчаса до катастрофы. Почему не приняли мер? Где были ваши спасательные службы, Теняков?

– Мы собрали их в аэропорту, – пояснил тот. – Никто не мог даже предположить, что «Суперджет» разобьется, не дотянув до взлетной полосы. Экипаж передавал, что машина уже находится над аэропортом. Наши люди почти сразу оказались на месте происшествия. Даже при самой идеальной работе бывают случаи, когда спасательные службы не могут помочь.

– Комиссия разберется, как действовали ваши службы, – строго пообещал вице-губернатор. – Сейчас самое важное узнать, почему произошла авария. Нужна конкретика, факты.

Специалисты продолжали работать. Еще через полчаса Репетиллов решил, что достаточно походил среди обгоревших тел и останков разбитого самолета. Он приказал выделить помещение для работы и назначил первое заседание комиссии через сорок минут.

Аэропорт уже работал в штатном режиме. Самолеты приземлялись и взлетали почти по расписанию.

Борис Семенович смыл с лица сажу и копоть, а потом прошел в комнату, где уже находился Марат Шарифович. Тот говорил по телефону с губернатором, сообщал ему новые подробности осмотра. Было заметно, как он волнуется. Собственно, такое зрелище было вообще не для слабонервных.

Ильясов закончил говорить, положил трубку, взглянул на гостя и сообщил:

– Комиссия скоро вылетает из Москвы. Вице-премьер уже звонил губернатору. Он сказал, что президент взял дело под свой личный контроль. После таких вот аварий другие страны могут просто остановить покупки «Суперджета».

– Что и следовало ожидать! – Репетиллов прошел к столу и уселся рядом с вице-губернатором.

– С ними летит и президент компании «Аэромир», – вспомнил Ильясов. – Представляю, в каком он сейчас состоянии.

– Ему не позавидуешь, – согласился Борис Семенович.

Он решил, что не станет рассказывать этому чиновнику, что еще совсем недавно был в похожем положении и до сих пор не оправился после такого удара судьбы. Его личная катастрофа не имела никакого отношения к сегодняшней трагедии.

В комнату вошел Теняков. У руководителя местного аэропорта был измученный, уставший вид. Как будто он лично виновен в случившемся. Ему было лет пятьдесят. Редкие рыжеватые волосы, нос уточкой и смешные кустистые брови делали его похожим на кого угодно, только не на заслуженного пилота, каким он на самом деле был. Теняков прошел войну в Афганистане и налетал несколько тысяч часов. Но для подобной административной работы этот великолепный летчик не очень годился. К тому же он был человеком совестливым, поэтому особенно сильно переживал. Теняков возглавил местный аэропорт два с лишним года назад. Эта катастрофа была для него первой.

– Пилотов опознали? – строго уточнил Репетиллов.

– Нашли обоих, – подтвердил Теняков. – Капитаном был Савушкин. Я его лично знал. Опытный пилот, очень мужественный человек. Имел большой налет. Работал командиром различных лайнеров уже одиннадцать лет. Не понимаю, что там случилось. Если была проблема с шасси, то почему он запросил посадку еще за полчаса до снижения?

– Я об этом говорил, – согласился Борис Семенович. – Мне это тоже не совсем понятно. А что с девочкой? Как она могла выжить при таком ударе? Все погибли, сгорели, а она осталась жить.

– Ее кресло стояло на месте разлома, – пояснил Теняков. – Когда самолет пошел на посадку, все пристегнулись. Лайнер переломился пополам, она вылетела оттуда вместе с креслом. Иногда такие чудеса случаются. Это спасло ей жизнь. Поэтому ее сразу и не нашли. Она отлетела в кустарник и осталась там, потеряла сознание при падении. Чудо, что вообще выжила.

– Девочка может разговаривать?

– Да, она сейчас в сознании. Перелом обеих ног, сотрясение мозга. Состояние тяжелое, но стабильное. Во всяком случае, будет жить. Врачи теперь с большой уверенностью говорят об этом.

– Ей уже сообщили о смерти матери?

– Насколько я знаю, нет. Но подробности мне неизвестны. Ее будут допрашивать сотрудники городской прокуратуры. Сумеет ли она вспомнить последние минуты перед аварией?.. Обычно люди впадают в ступор, когда возникают проблемы с их самолетом. Ей уже достаточно лет, чтобы все понимать...

– Списки погибших составлены? – недовольно перебил его Репетиллов.

Ему не понравились рассуждения Тенякова о людях, попавших в авиационную катастрофу. Начальник аэропорта не мог знать, что Борис Семенович Репетилов был владельцем авиационной компании «Северная звезда», которая стала банкротом в результате двух аварий подряд. Одна из них привела к многочисленным человеческим жертвам.

– Да, они готовы, – сообщил Теняков. – Шестьдесят шесть погибших пассажиров и шесть членов экипажа.

– Почему шесть? – спросил Борис Семенович. – Насколько я помню, в самолетах «Сухой Суперджет 100» экипаж состоит из двух летчиков и двух стюардов. Почему их было шестеро?

– Еще двое запасных, – пояснил Теняков. – Одна пара должна была остаться в Перми. У нас международный аэропорт. Машины летают отсюда не только в Россию, но и в Европу, даже в Египет.

– Вот так и летают!.. – снова жестко вмешался Ильясов. – Давно нужно было запускать проект с аэропортом в Березниках.

– Такие вопросы решаю не я, – возразил Теняков. – Это компетенция нашего областного руководства.

– Не нужно все сваливать на руководство, – встрепенулся вице-губернатор. – Мы тоже могли выйти с запиской в правительство края. Если вам, конечно, не все равно. Мы ведь закрыли оба аэропорта. И в Бахеревке, и в Березниках. Теперь ваш – единственный на весь Пермский край.

– Да, – грустно согласился Теняков. – Единственный. Мы эксплуатируем его вместе с военными.

– Среди погибших много детей? – уточнил Репетилов, чтобы прекратить этот бесполезный спор.

– Восемь человек, – ответил начальник аэропорта. – Самому маленькому недавно исполнился годик. – Он замолчал, отвернулся, затем неожиданно произнес: – Это первая авария с тех пор, как я здесь работаю.

– Надеюсь, что она будет последней, – вставил вице-губернатор. – И учтите, что все действия ваших наземных служб будут тщательно проверяться. Не ждите никаких скидок. Если кто-то неправильно сработал или вообще халатно отнесся к своим непосредственным обязанностям, то он будет наказан. Это я вам обещаю.

– Самолет разбился не из-за ошибок наших служб, – решил возразить Теняков. – Вы должны понимать, что мы только фиксировали это происшествие. «Суперджет» мог приземлиться где угодно, даже на московском аэродроме.

– Но приземлился у нас, – резко оборвал его Ильясов.

Было понятно, что ему вообще не нравится слишком мягкий, совсем не амбициозный начальник аэропорта.

– Кем вы работали раньше, до того как стали начальником аэропорта? – поинтересовался Репетилов.

– Командиром воздушного судна и заместителем руководителя местной авиакомпании по работе с пилотами, – сообщил Теняков.

– Вы сказали, что знали Савушкина лично. Какой он был человек? Спиртным злоупотреблял?

– Нет. Он был профессионал, а они таких глупостей себе не позволяют.

– Конечно! Профессионалы позволяют себе только разбиваться и уносить вместе с собой еще несколько десятков человеческих жизней, – снова вмешался Ильясов.

На этот раз Теняков промолчал.

– Кто был вторым пилотом? – поинтересовался Борис Семенович.

– Земфира Алимова. – Теняков вздохнул.

– Значит, женщина!.. Ее вы тоже лично знали? – не скрывая сарказма, уточнил Репетилов.

– Нет, не знал.

– Наверное, она тоже была профессионалом? – не без иронии спросил Борис Семенович.

– Думаю, что да. Иначе ей не разрешили бы работать на лайнерах вторым пилотом. Я не знаю, какой у нее налет, но думаю, что она соответствовала своей квалификации.

– Если не знаете, то не нужно и говорить, – отмахнулся Ильясов.

Репетилов достал мобильный, набрал номер Астахова и спросил:

– Михаил Петрович, что у вас?

– Пока работаем, – сдержанно сообщил тот.

– Я хотел у вас кое-что уточнить. Вторым пилотом на разбившемся самолете была дама.

Некто Земфира Алимова. Вы ее знали?

– Нет. Лично не знал.

– Как вы относитесь к тому, что на подобные рейсы выпускают смешанные экипажи с женщиной в качестве второго пилота?

– Нормально. У нас есть экипажи, полностью состоящие из женщин. Сейчас такое время, Борис Семенович. Как говорится, гендерное равноправие.

– Спасибо за разъяснение, – раздраженно пробормотал Репетилов. – Уточните через наши службы, как вообще эта дама стала летчиком и какой у нее налет часов. Если нужно, соединитесь с компанией «Аэромир». Они должны дать полную информацию о погибшей.

– Мы уже запросили. – Астахов был опытным работником и знал свое дело.

– Хорошо. Спасибо. – Репетилов чуть успокоился. – Заканчивайте осмотр и поднимайтесь к нам. Нужно будет составить общее мнение, перед тем как сюда прибудет правительственная комиссия. Мы должны дать им уже готовую версию.

Он положил телефон на столик перед собой, посмотрел на вице-губернатора и начальника аэропорта. Девушка внесла три чашечки кофе, расставила их на столе. Репетилов тяжело вздохнул. В комнату вошел еще один мужчина, при появлении которого Ильясов и Теняков сразу поднялись со своих мест. Репетилов взглянул на них и тоже встал.

– Это начальник краевого управления ФСБ генерал Сарумов, – представил вошедшего вице-губернатор, пожимая ему руку. – А это господин Репетилов, первый заместитель министра транспорта из Москвы.

Сарумов был невысоким подтянутым мужчиной лет сорока пяти, с большой головой и глубоко запавшими глазами. Он просто кивнул Тенякову в знак приветствия и протянул руку гостю. Рукопожатие было неожиданно крепким. Теняков подвинул генералу свой кофе, когда тот уселся за стол вместе с остальными.

– Наши сотрудники уже закончили предварительный осмотр, – сообщил Сарумов. – На основании собранных фактов они считают, что это не мог быть террористический акт. На борту самолета не было взрыва, не найдено остатков взрывчатых веществ, нет характерных повреждений. Хотя мы все равно проверяем и самолет, и пассажиров, и условия, при которых лайнер вылетел из Москвы.

– Еще есть выжившая девочка, – напомнил Репетилов.

– С ней мы тоже работаем, – заявил Сарумов. – Уже связались с городской прокуратурой. Попытаемся понять, что там произошло, если она сможет вспомнить. У нас, правда, есть некоторые сомнения по поводу Алимовой, второго пилота разбившегося самолета.

– Какие сомнения? – спросил Репетилов.

– Ее брат был осужден в прошлом году за сбыт и хранение наркотических веществ, – пояснил Сарумов. – Получил восемь лет строгого режима. Сейчас наши офицеры проверяют лайнер на предмет возможного провоза в багаже подобного зелья.

– При чем тут ее брат? – не выдержал Теняков.

– Мы обязаны проверить все версии, – строго подчеркнул генерал ФСБ. – Вообще непонятно, как ее могли допускать к полетам за рубеж при наличии осужденного близкого родственника.

– Сейчас другие времена, господин генерал, – напомнил Теняков. – Если брат в чем-то виноват, то это не означает, что автоматически нужно подозревать и сестру. Тем более не выпускать ее из России.

– Он провозил крупные партии наркотиков через границу. – Генерал усмехнулся. – При этом иногда использовал самолеты. Как вы считаете, в этих условиях я могу быть уверен в том, что этот субъект не пытался использовать и лайнеры, где пилотом была его родная сестра? Особенно если вспомнить, как часто она летала за границу!

Теняков снова промолчал. Спорить с генералом ему больше не хотелось. В этот момент Сарумову кто-то позвонил. Он достал телефон, выслушал сообщение и попросил уточнить все детали еще раз.

Затем генерал убрал мобильник, взглянул на собравшихся и заявил:

– Возможно, мы поторопились с нашим вердиктом. Девочку только что допросили сотрудники прокуратуры. Она вспомнила, как двое кавказских мужчин пытались прорваться в кабину пилотов во время рейса. Возможно, была попытка захвата судна. Сейчас начнем проверять. Уточним еще раз списки пассажиров. Вот такие у нас пироги.

Ильясов и Теняков переглянулись. Репетиллов подумал, что это сообщение окажется самым лучшим подарком для прибывающей комиссии. Все можно будет списать на неизвестных кавказцев, которые пытались угнать самолет и оказались виновниками аварии.

Интерлюдия

Я прилетел в Пермь вечером, когда над аэропортом уже не поднимались клубы черного дыма. Сильный ветер погасил и унес все запахи сгоревшего человеческого мяса и сожженного алюминия.

Конечно, к месту происшествия меня не пустили. Я начал возмущаться, доказывать, что являюсь родственником одного из погибших, пытался прорваться хотя бы немного поближе.

Почти сразу появилась какая-то невысокая женщина, которая увела меня в сторону и, глядя мне в глаза, спросила, кого именно я ищу. Честно говоря, я насторожился и немного испугался, но потом выяснилось, что она не следователь, а психолог. Такое тоже иногда случается.

Я начал бормотать о своем земляке, погибшем в самолете, потом сообщил, что плохо себя чувствую, должен срочно вернуться к жене, и попросил разрешения уйти. Конечно, имя земляка я взял из списка погибших пассажиров, который уже был выставлен в Интернете. Разумеется, никто не спрашивал паспорта у родственников погибших, которых с каждым часом в аэропорту становилось все больше и больше. Некоторым действительно было очень плохо.

Психолог дала мне какую-то таблетку под язык, посоветовала немного отдохнуть и отошла к паре пожилых женщин, приехавших почти сразу за мной. Они потеряли сестру и, не стесняясь, кричали в голос. Таблетку я сразу выплюнул, отдыхать, разумеется, не стал.

Эта психолог буквально вцепилась в меня мертвой хваткой. Она пыталась выжать конкретные имена моих близких, погибших в этой ужасной авиакатастрофе. Если бы кто-то узнал, что я должен найти четыре килограмма героина, которые провозили в обычном чемодане вместе со всем остальным багажом, то наверняка очень удивился бы.

В общем, я с трудом отвязался от этой назойливой тетки, но узнал главное. Все пассажиры погибли, а самолет сгорел.

Когда я позвонил и сообщил об этом Наджибулло, он пришел в ярость. Нужно было слышать, что именно мой одноклассник говорил про погибшего курьера, как ругал руководство

авиакомпания, несчастных летчиков, которые управляли самолетом, и, конечно, высказал все возможные оскорбления в мой адрес. Ведь именно я сообщил ему об этой потере. А вестникам несчастий на Востоке всегда отрубали голову.

Немного успокоившись, Наджибулло приказал мне выяснить, где могут находиться остатки багажа. Он знал, что чемодан, в котором перевозили наркотики, не должен был пострадать.

Конечно, я пытался хоть каким-то образом пробиться к месту катастрофы, но оно было оцеплено, туда никого не пускали. Вокруг стояли сотрудники полиции и офицеры МЧС. В аэропорт прибыла государственная комиссия во главе с вице-премьером правительства. Ее встречал губернатор края. Пытаться пробиться к месту катастрофы было бы верхом безумия, а я не сумасшедший.

Мне пришлось почти час искать нужного человека, чтобы узнать, что именно там происходит. Наконец я нашел дежурного уборщика, таджика, который рассказал мне, что пассажиры и экипаж погибли. Выжила только одна девочка, которую увезли в больницу. Многие личные вещи сгорели, хотя среди останков самолета были и уцелевшие.

Я тоже понимал, что чемодан курьера не может, не должен был сгореть, и представил себе, как обрадуется Наджибулло, если мне удастся найти наш груз. Следующей своей мыслью я даже испугался. А почему Наджибулло должен узнать о том, что наш чемодан уцелел? Ведь он мог сгореть. Или пропасть. В таком случае нельзя будет никому предъявлять претензии. Ведь этот чемоданчик стоил куда больше, чем багаж всех пассажиров, вместе взятых. Именно поэтому, кроме курьера, в самолете был и наш человек, который контролировал перемещение груза.

Теперь мне предстояло принять решение. Причем как можно быстрее, пока погибших людей не идентифицируют и не попробуют посмотреть, что именно хранилось в этом небольшом чемоданчике, который должен был находиться в багажном отделении разбившегося самолета. Мы часто провозили грузы таким образом, не вызывая подозрений у сотрудников аэропортов. Ведь при полетах внутри страны чемоданы не проверяются собаками и специальными средствами. Службы безопасности фиксируют только взрывчатку и оружие, а в последнее время обращают внимание и на провоз воды в количестве больше половины литра.

Конечно, в небольшом чемодане нашего курьера никаких металлических частей не было. Там лежали несколько старых рубашек и орехи. Героин был спрятан в большой пластиковый пакет с сахарным песком. Даже вскрыв его и попробовав на вкус содержимое, вы не заподозрили бы ничего необычного.

Мне нужен был этот чемоданчик. Поэтому я нашел такси и поехал в город, чтобы выйти на того человека, который должен был принимать наш груз. Адрес и имя я знал и через сорок минут оказался на месте. Часы показывали около десяти, и он должен был находиться дома.

Я набрал его номер телефона, и этот человек сразу мне ответил.

– Здравствуйте, Корякин, – сказал я ему. – Я привез вам привет от нашего друга Моряка. Он должен был знать этот пароль.

Корякин сразу ответил:

– Как он себя чувствует?

– Хорошо. Но я хотел бы с вами встретиться, чтобы передать его посылку.

– А разве вы не должны были прилететь сегодня утром? – удивился Корякин.

– Я прилетел утром, но другим самолетом, – пояснил я ему.

– Вам повезло.

– Мне нужно срочно с вами увидеться.

– Давайте завтра утром, – предложил он.

– Сегодня, – категорически возразил я. – Когда вы сможете выйти?

– Вы у моего дома?

– Да.

– Тогда прямо сейчас. Через десять минут.

– Я буду вас ждать на углу, у газетного киоска, – сказал я ему, перешел на другую сторону улицы и начал следить за его домом.

Ровно через десять минут из подъезда вышел мужчина лет шестидесяти пяти, в сером костюме и теплой клетчатой рубашке без галстука. Хромая, он добрался до газетного киоска и оглянулся. Я не сразу направился к нему, сперва осмотрел территорию вокруг нас. Все было спокойно.

Тогда я подошел и сказал:

– Здравствуйте, Корякин.

Он не вздрогнул, только посмотрел на меня своими бесцветными глазами.

– Здравствуй. – Пожилой мужчина сразу обратился ко мне на «ты».

В общем, это было правильно. Он ведь старше меня лет на двадцать.

– Это я тебе звонил. – Я решил тоже обращаться к нему на «ты».

Пусть разница в возрасте существует, но мы вместе делаем одно важное дело.

– Я понял, – сказал он. – А где твой багаж?

– Ты меня совсем не понял. Я прилетел другим рейсом именно потому, что наш друг погиб в катастрофе.

– Это я уже знаю. Погибли все пассажиры самолета, кроме одной девочки, которая чудом выжила. Тогда зачем ты сюда прилетел?

– Наш груз хранился в багаже курьера, – пояснил я Корякину. – Чемодан был хороший, крепкий, со специальным двойным покрытием. Он должен сохраниться при пожаре. В нем четыре килограмма нашего товара.

– Я знаю. Большой груз. Мы приготовили вам оплату.

– Значит, его нужно найти.

– Каким образом? Твой чемодан давно сгорел. Самолет полыхал, а ты говоришь о каком-то чемодане.

– Он не мог сгореть. Если даже и так, то мне нужны будут доказательства. Речь идет об очень большой сумме, Корякин. Ты ведь знаешь, сколько стоил этот чемодан.

– Что ты от меня хочешь?

– Надо найти чемодан. Поэтому я срочно сюда прилетел.

– Это я тоже понял. Но как я тебе найду чемодан? Я не работаю в аэропорту и не имею никакого отношения к службе МЧС.

– Мне известно, кто ты такой. Поэтому я к тебе пришел. Мне нужно срочно выйти на Геолога, главного по вашему краю. Я должен как можно быстрее увидеться с ним.

– Ты ненормальный, – презрительно проговорил Корякин. – Геолог не захочет с тобой общаться. Это совершенно исключено.

– Тогда заплатите деньги за весь товар, который не захотели искать. Таков порядок.

– Не гони туфту!

Все-таки он бывший уголовник. Хотя чего я ожидал? Такие вот посредники всегда бывшие уголовники, с которыми можно легко договориться.

– Таков порядок, – повторил я ему. – Формально груз пропал на вашей территории. Мы за него уже не отвечаем. У нас была такая договоренность. Раньше мы автомобилями доставляли груз до границ Пермского края и там передавали его вашим представителям.

– Но вы нам ничего не передали, – возразил Корякин.

– Тогда будет война. – Я вздохнул. – Вам это нужно? Цена слишком велика.

– Скажи, что тебе нужно.

– Геолог. Я должен срочно с ним увидеться.

– Ты понимаешь, о чем просишь? А если тебя прислали другие? Кто нам даст гарантии?

– Можете перезвонить в Душанбе. Там подтвердят мои полномочия.

– Я не об этом. Тебя могли послать оттуда и взять под контроль уже здесь. А Геолога знают только несколько человек. Все не так просто, как ты думаешь. Он не станет разговаривать с кем попало. Даже если ты очень важный человек.

– У меня нет времени на дискуссию! – резко перебил я Корякина. – Найди кого угодно, выясни все, что тебе нужно. Но завтра утром устрой мне встречу с Геологом. У тебя есть одна ночь. Потом я буду знать, что ты не хочешь конфликта и готов оплатить весь товар.

– Теперь я догадался. Ты сумасшедший.

– Да. Я абсолютный психопат. Можешь считать так, чтобы тебе было легче. Завтра найди Геолога. Я остановился в отеле «Амакс Премьер». Знаешь такой?

– На Монастырской. Знаю, конечно.

– Вот номер моего мобильного. – Я протянул ему бумажку. – Звони в любое время и учти, что утром я должен встретиться с Геологом. Постарайся сделать так, чтобы мы с ним увиделись, иначе потом все долги повесят на тебя.

Я повернулся и ушел. Конечно, я очень сильно рисковал. Сегодняшняя ночь могла оказаться длинной. Вдруг опытные люди найдут чемодан и разберутся в его содержимом? Хотя это вряд ли. Я понимал, что прямо сегодня никто не станет копаться среди уцелевших вещей. Их будут собирать и складировать, чтобы завтра попытаться систематизировать и выдать родственникам, если таковые предъявят претензии. Содержимое чемоданчика может быть рассмотрено только через сутки.

Я уходил, чувствуя на своем затылке тревожный взгляд Корякина. Ему тоже предстояла трудная ночь. Я понимал, что этому субъекту будет очень сложно выйти на Геолога, который отвечает за весь регион. Возможно, уголовник Корякин, как и я сам, действительно не знает, кто такой Геолог. Но другого выхода у меня просто нет. Мне нужна поддержка самого главного местного авторитета. Он обязан помочь мне найти наш груз. Или его, который Геолог должен оплатить.

Глава третья

Государственная комиссия прибыла через три часа и приняла решение сразу провести первое заседание. Вице-премьер, успевший осмотреть место катастрофы, был мрачен и задумчив. Министр транспорта Пермитин подошел к Репетилову, чтобы выслушать отчет об уже проведенной работе. Борис Семенович коротко пересказал ему последние новости, не забыв упомянуть о двух кавказцах, которые якобы ломились в кабину пилотов. Пермитин молча кивнул, не стал высказывать своих эмоций. Встречать вице-преьера правительства прибыл губернатор края. Заседание государственной комиссии оказалось достаточно представительным.

– Итак, давайте очень коротко, – начал вице-премьер. – Насколько я понял, погибли семьдесят два человека, выжил один. Вернее, одна девочка. У нас есть подозрения, что это была не совсем обычная авария, как о ней уже успели сообщить наши средства массовой информации. Давайте начнем с начальника аэропорта.

Теняков поднялся. В присутствии столь влиятельных людей он чувствовал себя не совсем уверенно.

– Самолет должен был прибыть в пять тридцать утра, – доложил начальник аэропорта. – Примерно в четыре пятьдесят пять борт запросил срочную посадку. Командир экипажа пояснил, что у них появились проблемы. Диспетчер предложил садиться в соседней области, но капитан принял решение следовать в наш аэропорт. В пять пятнадцать он объявил, что у него появились трудности с выпуском шасси, в пять восемнадцать – что совершает вынужденную посадку. В пять часов двадцать одну минуту «Суперджет» разбился рядом со взлетной полосой. Мы сразу провели комплекс аварийных мероприятий, попытались оказать всю возможную помощь пострадавшим, но среди пассажиров нашли только одну живую девочку.

– У вас все? – спросил вице-премьер.

– Ты поясни, почему твои службы не были готовы к приему самолета, – жестко потребовал губернатор.

– Наши службы были готовы, – осмелился возразить Теняков. – Но самолет упал не на взлетной полосе.

– А ты ждал, что он упадет в нужном для тебя месте! – разозлился губернатор. – Ничего, мы потом проведем подробный разбор действий всех служб нашего аэропорта.

– Давайте послушаем генерала Сарумова, – предложил вице-премьер. – У него есть конкретные сообщения о случившемся.

– Так точно. – Сарумов поднялся. – Наши сотрудники совместно с представителями Следственного комитета допросили выжившую девочку. Фариза Касумова вспомнила, что за полчаса до приземления двое кавказцев пытались пройти в кабину пилотов. Тогда понятно, почему капитан в четыре пятьдесят пять сообщил о том, что у них появились проблемы.

– Записи черного ящика сохранились? – уточнил вице-премьер.

– Сохранились, – доложил Репетилов. – Уже сегодня они могут быть расшифрованы. Есть еще записи и у диспетчеров. Я распорядился, чтобы их сюда привезли.

– У вас все? – спросил вице-премьер генерала Сарумова.

– Да, – кивнул тот. – Но по спискам пассажиров сейчас работают сотрудники местного управления МВД.

Мужчина, сидевший рядом с ним, поднялся. Это был генерал Шемяков, начальник упомянутого управления.

Он сразу начал докладывать:

– Среди пассажиров установлены восемь человек с кавказскими фамилиями. Сама девочка, ее мать, еще Анаит Парсанян. Ей было семьдесят восемь. Пятеро мужчин: Константин

Табатадзе, Теймураз Кикнадзе, Абдулла Раджабов, Умарджан Рабиев, Фахреддин Ишмуратов. Сейчас мы проводим проверки по каждому из пятерых.

– Нужно сделать это как можно быстрее, чтобы понять, кто именно пытался вломиться в кабину пилотов, – вставил министр транспорта.

В этот момент Репетиллов неожиданно для самого себя решил вмешаться.

– Простите, – сказал он, обращаясь к вице-премьеру. – Вы разрешите мне высказаться?

– О чем? – Вице-премьер не любил импровизаций.

– Дело в том, что двое из названных мужчин грузины, один татарин и один из Дагестана, – сообщил Репетиллов. – Еще один не кавказец, а из Средней Азии. Наверное, таджик.

– Откуда вы знаете? – нервно спросил Сарумов, посмотрев на Шемякова. – Вы уже проверяли их биографические данные? Место рождения еще ни о чем не говорит.

– По их именам, – пояснил Репетиллов. – Только у четверых они кавказские, если считать и татарина. И еще один важный момент. Девочка-азербайджанка не могла сказать, что там были двое кавказцев. Она обязательно точно назвала бы национальность этих людей. Любой человек, живущий на Кавказе, может отличить грузина от армянина или азербайджанца. Она тоже.

– Что вы хотите сказать? – не понял вице-премьер.

– Девочка сидела достаточно далеко, в задней половине салона, и не могла увидеть лица людей, которые разговаривали у кабины пилотов, – твердо сказал Репетиллов.

Наступила нехорошая тишина.

– Вы хотите сказать, что наши следователи и сотрудники ФСБ не умеют работать? – уточнил вице-премьер.

Было понятно, что ему не понравилась эта реплика заместителя министра.

Министр Пермитин выразительно взглянул на Репетиллова, словно давая понять, что его откровения сейчас неуместны. Борис Семенович понял, что нужно заканчивать этот диалог.

– Я не сомневаюсь в компетентности наших органов, – заявил он. – Я только хотел помочь и отметить, что девочка была из Баку и могла узнать, кто именно стоит в проходе – грузин или лезгин.

– Откуда вы знаете? – спросил губернатор. – Вы раньше работали следователем?

– Я родился и вырос в Баку, – пояснил Борис Семенович.

– Хорошо, – отмахнулся вице-премьер. – Пусть наши пинкертонеры учтут ваши замечания.

Что у нас по заводу-изготовителю?

– Самолет был выпущен только полтора года назад, – доложил представитель фирмы. – Все проверки проходил вовремя. Никаких нареканий не было.

– Аварию в Индонезии забыли? – сказал кто-то из членов комиссии.

– Там провели тщательное расследование, установили, что летчики отключили систему предупреждения о сближении с землей, поэтому врезались в гору.

– У вас всегда виноваты летчики, а не ваши самолеты, – сказал Астахов.

– Наши самолеты имеют все необходимые сертификаты. Нужно еще уточнить, почему произошла катастрофа.

– За последние несколько месяцев у «Суперджетов» дважды отказывали системы кондиционирования, – напомнил Теняков.

– Такие мелкие неполадки мы вполне можем устранить. Не забывайте, что «Боинг» сейчас остановил полеты всех своих новых самолетов семьсот восемьдесят седьмой модели, а у самых больших в мире «Аэробусов А380» тоже обнаружили недостатки. Новые машины всегда приходится доводить, лишь бы это не влияло на безопасность.

– У этой модели полно нареканий, – вмешался руководитель компании «Аэромир». – Как будто вы не знаете, что «Аэрофлот» буквально вынудил нас взять эти самолеты в лизинг! Мы категорически не хотели их брать, зная, с какими проблемами сталкиваются компании,

эксплуатирующие «Суперджеты». Руководство «Армавиа» отказалось от вашего лайнера, другие компании тоже не в восторге. А нам не разрешили взять в лизинг «Аэробусы».

– Хватит, – прервал его вице-премьер. – Вы должны понимать, что развитие отечественной авиации – это наша стратегическая задача. Наши компании обязаны закупать российские самолеты, развивать наш авиапром. Почему «Суперджет» упал, даже если предположить, что его вынудили совершить посадку?

– Опять проблемы с шасси? – предложил руководитель компании «Аэромир». – Хотя пока мы не знаем истинных причин. Наши специалисты будут разбираться на месте и дадут заключение только через несколько дней.

– Это долго, – нахмурился вице-премьер. – Результаты нужны нам как можно скорее. Что по экипажу? Кто управлял самолетом?

Министр транспорта взглянул на Репетилова, словно разрешая ему выступить еще раз.

– Командир корабля Савушкин, второй пилот Алимова, – доложил Борис Семенович. – У командира налет часов...

– Подождите! – прервал его вице-премьер. – Вторым пилотом была женщина?

– Да. Земфира Алимова, – подтвердил Репетилов.

– Это черт знает что! – разозлился вице-премьер. – Кто позволил ставить на такие рейсы пилотов-женщин?

– Она опытный специалист, – пояснил Теняков. – Ее должны были скоро перевести в первые пилоты.

– Только этого не хватало, – снова вмешался губернатор. – Так у нас через пару лет вообще только бабы летать будут.

– Не будут, – возразил Теняков. – У нас только пять процентов пилотов женщины.

– Нужно, чтобы их было пятьдесят, – пошутил губернатор.

В комнату вошел сотрудник диспетчерской службы и сообщил:

– Мы принесли расшифровку. Это записи наземных служб.

– Включите, чтобы мы прослушали, – потребовал вице-премьер.

Еще два сотрудника внесли магнитофон, запустили запись. Сначала был слышен треск и обычные переговоры пилота с диспетчером. Речь шла об эшелонах высоты и погоде.

Затем Савушкин неожиданно произнес:

«Пятый, это Сто сорок первый. Запрашиваю срочную посадку. У меня появились проблемы».

«Какие проблемы, Сто сорок первый? – не понял диспетчер. – Идите на посадку как положено».

«Запрашиваю срочную посадку, – повторил Савушкин. – У вас есть запасной аэродром?»

«Есть в соседней области. Сумеете туда дотянуть? Отвечайте, Сто сорок первый».

В ответ – молчание, треск, какие-то шумы.

«Вы слышите, Сто сорок первый? Мне нужно ваше решение», – сказал диспетчер.

«Будем приземляться в Перми, – решил наконец Савушкин. – Прошу обеспечить срочную посадку».

«Вас понял, Сто сорок первый. Можете садиться. Сейчас полоса свободна».

«Буду садиться, Пятый, – доложил Савушкин и через несколько минут проговорил: – У меня проблемы. Придется совершать срочную аварийную посадку».

«Что случилось, Сто сорок первый? Какого рода проблемы?»

«Шасси... – Тут командир выругался. – Вечные проблемы с этими самолетами. Пятый, вы должны обеспечить срочную посадку. Буду приземляться прямо сейчас, без захода на второй круг. Вы меня поняли, Пятый? Срочная аварийная посадка!..» – Он снова выругался.

«Садитесь, Сто сорок первый, – разрешил диспетчер. – Полоса свободна. Видимость в пределах нормы. Легкий туман».

«У нас опять эти проблемы!..» – Савушкин выругался в очередной раз.

Снова треск и нарастающий шум, который внезапно оборвался.

– Конец, – сказал Теняков.

Все молчали.

Вице-премьер обвел присутствующих мрачным взглядом и спросил:

– Почему он поменял свое решение?

– Этого мы пока не знаем, – ответил Теняков.

– Как вы считаете, Лина Борисовна, что там могло произойти? – поинтересовался вице-премьер у эксперта МАК.

– Возможно, командир понял, что не сумеет дотянуть до соседнего аэропорта, – предположила Сафиуллина. – Но точно можно будет сказать после изучения всех параметров, зафиксированных самописцами. Там будут и переговоры в кабине летчиков. Еще мы должны выяснить уровень топлива и все остальные технические детали.

– Черные ящики уже нашли, – недовольно сказал вице-премьер. – Вы сможете там все прочитать. Но меня интересует сейчас другой вопрос. Почему пилот поменял свое решение и решил садиться именно здесь?

– Мы этого пока не знаем, – ответила Сафиуллина.

Вице-премьер мрачно посмотрел на губернатора и спросил:

– Что у нас со службой поддержки?

Тот, в свою очередь, взглянул на даму, министра здравоохранения правительства Пермского края. Она поднялась и доложила, что в аэропорту круглосуточно дежурят психологи, которые оказывают помощь родственникам погибших.

– Теняков, организуйте нормальное питание и размещение в гостинице всех прибывающих родственников, – распорядился вице-премьер. – Есть тела, которые можно опознать уже сейчас, или все сильно обгорели?

– Многие пассажиры «Суперджета» задохнулись в дыму. Их тела даже не пострадали от пожара, – напомнил генерал Шемяков. – Уже сейчас мы можем опознать визуально больше двадцати пяти человек. Но выдавать тела не будем, пока не разрешат прокуратура области, ФСБ и следственные органы. Все они проводят свои проверки.

– Тогда нужно вывесить список людей, которых уже можно считать опознанными, – предложил вице-премьер.

– Правильно, – поддержал его решение губернатор. – Мне еще придется встречаться с родственниками погибших. С завтрашнего дня объявим трехдневный траур по всему краю. Пусть люди не сомневаются в том, что мы опознаем каждого и будем хранить тела, пока не приедут родные погибших.

– Много чемоданов уцелело? – неожиданно спросил министр Пермитин.

– Достаточно, – ответил Шемяков. – При ударе самолет разломился. Из багажного отделения выпало больше половины всех чемоданов и сумок, которые практически не пострадали. Сейчас их собирают, чтобы потом опознать и выдать родственникам погибших. Но тут тоже понадобится долгая и тщательная проверка.

– Хотя так можно утешить людей, – решил вице-премьер. – Нужно сохранить все чемоданы и сумки. Поручите пресс-службе правительства области не давать непроверенную информацию, пока мы не определимся с конкретной версией.

– Я уже дал указания, – согласился губернатор.

Вице-премьер тяжело вздохнул и посмотрел на министра транспорта.

«Видимо, Пермитина скоро будут менять, – подумал он. – Иначе президент послал бы его руководителем комиссии. Слишком много аварий приключилось за последние годы. Они больно бьют по имиджу страны. Ладно, пора завершать сегодняшнее заседание».

– Теперь подведем итог, – предложил он. – О том, что происходило на борту, мы до сих пор толком ничего не знаем. Двое кавказцев лишь пытались захватить самолет или сделали это? Кто они, мы тоже пока не представляем. Может, эти люди просто стояли в очереди у туалета? Наши технические службы не имеют понятия о причинах катастрофы. Как могли доверить такой самолет даме, мне лично непонятно. Какие технические проблемы были у самолета, мы тоже не знаем. В общем, одна болтовня и ничего конкретного. А мне нужно докладывать президенту, сообщить ему, что именно здесь произошло, – строго напомнил вице-премьер.

Все подавленно молчали, понимая обоснованность его претензий.

Он продолжал:

– Все сразу поспешили объявить, что это не террористический акт и на борту самолета не было взрыва. Вот и все, что мы знаем на данный момент. Этого очень мало. Нужны конкретные факты, доказательства, версии. Мы даже пока не смогли узнать, сколько именно кавказцев летели в этом самолете. Вот господин Репетилов считает, что один из них таджик. Поэтому сделаем так. До завтрашнего утра мне нужны ваши предложения. Четко сформулированные вопросы и ответы. Я не могу докладывать наверх, когда никто ничего не знает. Поэтому предлагаю собраться завтра утром и высказать обоснованные версии. Потом я смогу сообщить их президенту.

Сарумов зло посмотрел на Репетилова. Министр тоже был не очень доволен. Конкретной версии ни у кого не было, и Борис Семенович тоже не сумел сформулировать такую. Совещание закончилось.

Министр Пермитин подошел к своему первому заместителю и неодобрительно сказал:

– Не нужно было тебе вылезать с этими фамилиями, ссорить нас с местными управлениями ФСБ и МВД. Нашел где вспоминать о своем кавказском происхождении. Пусть сами проверяют как хотят. Это их дело. Мы не обязаны искать для них террористов. Они и так мешают нам работать.

– Вы думаете, что там были террористы? – уточнил Репетилов.

– Я не знаю, – нахмурился Пермитин. – Послушай-ка мой совет. Не нужно вспоминать, что ты родом из Баку. Это сейчас чужая страна. Лучше почаще вспоминай, что учился в Москве и здесь защищал свои диссертации. Вообще не нужно никого учить или поправлять. Людям это всегда не нравится.

Борис Семенович согласно кивнул. Он понимал, что министр раздражен. Больше всего босса волновал очевидный факт недоверия, который выразался в том, что руководителем правительственной комиссии был назначен вице-премьер, а не министр транспорта, как обычно бывало в подобных случаях.

Воспоминания

Он родился в Баку первого мая шестидесятого года. Мать часто вспоминала, что в тот день мимо больницы шли колонны демонстрантов, были слышны радостные крики и возгласы. Через семь лет он пошел в сто тридцать четвертую школу, которая находилась напротив городского совета и считалась одной из лучших в Баку.

Борис учился неплохо, в дневниках в основном были пятерки и четверки. Только тройка по пению портила ему аттестат, но эта учительница невзлюбила мальчишку с первого дня. Может, потому, что его тетя по отцу Нонна Репетилова была народной артисткой РСФСР и даже исполняла сольные партии в Большом театре. Учительница, очевидно, полагала, что у племянника такой прославленной певицы должен быть идеальный слух и голос. Во всяком случае, она упрямо ставила ему двойки или тройки.

Уже много лет спустя он понял, почему эта женщина так невзлюбила именно его. Будучи взрослым человеком, Борис случайно узнал, что учительница пения и тетя учились в одном классе музыкальной школы. Они отлично знали друг друга.

Разумеется, учительница, которая подавала гораздо большие надежды, чем ее одноклассница, не могла себе простить, что всего лишь преподавала пение в бакинской школе, пусть даже и одной из самых лучших в городе, тогда как Нонна Репетилова сумела сделать такую карьеру и стать народной артисткой России. Успех не прощают никому, а за талант просто ненавидят. Именно поэтому учительница сводила счеты с племянником своей ненавистной одноклассницы, которая сумела не только уехать из Баку, но и добиться немалого успеха в Москве.

Все закончилось тем, что однажды она вывела ему двойку в четверти, и директорша решила проверить, что именно происходит. Мальчик, который учился достаточно неплохо, даже выигрывал олимпиады по математике и физике, получал по пению лишь двойки и тройки. Директорша поговорила сначала с учительницей, затем с ним, а потом и с его матерью. Она была умной и мудрой женщиной. В результате Боре Репетилову разрешили не ходить на пение. Школьная докторша выдала ему справку, что он может быть освобожден от этих уроков из-за проблем с гландами, которые у него никогда не болели. Этот урок мальчишка запомнил на всю жизнь.

В четырнадцать лет он вступил в комсомол. Потом эти годы назовут эпохой брежневского застоя. На самом деле то время было не таким уж плохим.

Вместе с сестрой во время летних каникул они выезжали в Геленджик, где оставались два месяца в доме своей бабушки и тетки, сестры их мамы. В Геленджике было скучно. Они почти не общались с другими детьми, проводили время вдвоем. Сестра Зоя была младше Бориса всего на полтора года. Подобная разница почти не ощущается, особенно с учетом того обстоятельства, что девочки растут и взрослеют быстрее мальчиков.

Репетилов помнил, как в седьмом и восьмом классах он с неудовольствием и удивлением обнаружил, что сестра даже обогнала его, стала на несколько сантиметров выше. Потом он нагнал ее и даже немного превзошел, хотя никогда не отличался особенно высоким ростом. Но они с Зоей были настоящими друзьями и сохранили эти отношения на всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.